

ИДЕОЛОГИЯ СССР В 30-40 ГОДЫ XX ВЕКА

Сидорова Инна Владимировна¹

к.п.н., доцент

Социально-педагогический институт

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы становления идеологии СССР в 30-40 годы XX века, механизмы партийно-государственного воздействия на общество.

Ключевые слова: идеология, общественное сознание.

¹ Сидорова И.В. sidorova.innavladimirovna@yandex.ru

Своей целью идеология советского союза, которая была распространена в 30-е гг. XX века, ставила строительство социализма. Такая идеология полностью соответствовала требованию тоталитарного государства. В рамках этой идеологии происходила реализация целевых установок, которые, во-первых, объединяли общественные структуры и во-вторых фиксировали различные отношения между обществом и различными социальными институтами.

Для того, чтобы проследить эволюцию изменения методов артикуляции идеологических установок XX века необходимо обратить внимание на сталинский советский опыт реализации идеологии в массах. Политолог Ван Зверде указывал: «Идеология – это относительно когерентное собрание теоретических положений и практических суждений, функция которых состоит в организации связей и действий социальных групп. Данную функцию она способна исполнять независимо от того, верны, ложны или неопределенны в смысле истинности своего содержания эти теоретические положения» [13, с. 18].

Советский период сложен и неоднороден, поэтому говорить о нем как о гомогенном периоде в нашей истории было бы, по меньшей мере, грубо. Как и любой живой организм, государственная система претерпевала изменения, в том числе и в области формирования идеологических установок. Однако, уже в зарождающемся «советском организме» были заложены основные методы, к которым в разное время будет прибегать советское правительство на протяжении всей истории СССР. В данной статье хотелось бы рассмотреть основные методы, заложенные в процессе становления советского государства, и которые должны были формировать «HomoSovieticus», нового «Советского Человека».

В России остро стоял вопрос массовой безграмотности населения. Российская Империя существенно продвинулась в решении данной проблемы, однако, неграмотность всё равно оставалась серьёзной проблемой. Исследо-

ватели выделяют: только в европейской части России процент неграмотных среди мужского сельского населения составлял 47%, женского 77%. Городского населения, соответственно, 20% и 39% [19, с. 125]. В других регионах России, в том числе и национальных окраинах, ситуация сложилась хуже. Видя великолепную возможность приспособить систему образования под нужды правительства, уже с ноября 1917 года начинается активная работа по переустройству образовательной системы [2, с. 179-189]. Для нас важно понимать, что советская школа, на протяжении почти всего периода существования СССР, будет играть роль «горнила» по «выплавке» советского человека. Именно школа будет фасилитатором, связующей нитью в диалоге государства и общества. Мы видим: изменения системы образования является увеличительным стеклом общественных процессов, протекающих в обществе. Для создания советской образовательной системы, от школьного образования были исключены духовенство, в последующем – свободомыслящая интеллигенция и представители других революционных течений. В начале своего пути, задачей новой системы образования стояло донесение основ большевизма и политической грамотности. В последствии – формирование определенной картины мира у советских школьников. Достаточно посмотреть первые советские буквари для взрослых, в том числе знаменитый букварь «Долой неграмотность: букварь для взрослых» [1].

Школа нуждалась в лояльных к советскому правительству преподавателях. На этапе гражданской войны, такая проблема была существенна, так как государственная машина не могла «отфильтровать», установить контроль за чуждыми ей элементами. Однако, с 1921 года данная проблема стала решаться. Именно в этом году создаётся знаменитый Институт красной профессуры для создания грамотных идеологических кадров партии и преподавателей в вузах. Вообще, проблема лояльных деятелей стояла не только в области образования, но и науки, культуры, военной сферы. В состоянии гражданской войны, логика момента подсказывала: для войны важнее, на чьей стороне выступают те или иные деятели. Поэтому, тактические отступления

были возможны. Замечу, что от своей стратегии большевистское правительство не отказывалось.

В рамках образования, вторым шагом большевистского правительства стал отказ от элитарной и создание массовой культуры в авангарде РКП(б), а затем – ВКП(б). Профессор МГУ, знаменитый историк, социолог и публицист Сергей Кара-Мурза так характеризует этот процесс: «В советской культуре произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде – культуру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты типом культуры» [10, с. 16]. Для массового потребителя стали выбрасываться новые, яркие образы, пропагандирующие новый стиль жизни, мышления, манеры поведения. Вся культурная жизнь пришла в движение.

Конечно, установление контроля над духовной сферой происходило в постоянной схватке с идеологическими оппозициями, в том числе и в большевистских кругах. В конце 1917 г. создается культурно-просветительская организация, призванная создать самостоятельную духовную культуру пролетариата – Пролеткульт. Организация стремилась отстаивать свою независимость перед партийными органами и созданным в ноябре того же года Наркомпросом (Народным комиссариатом по просвещению). Объединив в себе 7 губернских, более 20 городских, 60 уездных Пролеткультов и около 400 тыс. человек, Пролеткульт являл собой опасность идеологического отклонения от линии большевиков. На протяжении четырех лет шла борьба этой организации за независимость, закончившаяся в 1920 г. резолюцией Ленина «О пролетарской культуре», где он публично осудил Пролеткульт за попытку обособиться от Наркомпроса. В этом же году, произошло вхождение Пролеткульта в комиссариат [18, с. 166]. Это объединение позволило создать мощный фронт культурной деятельности, ведь на базе него были созданы знаменитые течения «Кузница», «Левый фронт искусства», ВАПП, МАПП, «Перевал» и другие.

Наравне с развитием советской культуры, с 1921 года начался процесс табуирования и фильтрации общественных деятелей. В этом году проведен

первый крупный процесс против анархистов. В июне 1922 г. были арестованы виднейшие врачи, закрыты журналы «Мысль», «Экономист», проведены аресты университетской профессуры и «буржуазных» студентов. Осенью того же года состоялась масштабная акция по высылке инакомыслящих, вошедшая в историю под названием «философский пароход» (как мы знаем, пароходов было несколько). Среди них, оказались видные деятели: Н. А. Бердяев, Н. А. Ильин, Л. П. Красавин С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский и др. Так, советское правительство начало избавляться от чужеродных элементов и показало свою решимость на установление господства над духовной жизнью [14, с. 10]. В этот же период прошли первые крупные гонения на РПЦ и принят курс на активную антирелигиозную пропаганду.

Отступление от курса подчинения всех сфер жизни партийной линии произошел, в том числе, из-за провозглашения НЭПа и введения капиталистических элементов в экономику страны. Военный коммунизм оказался экономически неэффективным, более того – иллюзорным. Это привело к социально-экономическому и политическому кризису 1920-1921 г. Ленин понимал критичность ситуации, грозившей новой революцией и бунтами, поэтому в августе 1921 года СНК разрешило свободу торговли и начала денационализировать промышленность. На первом этапе, НЭП оказался крайне эффективным. Однако, идеологическая чуждость линии партии была налицо. Возникали противоречия, главное из которых – неизбежное возникновение множества политических и экономических интересов различных социальных групп, входящих в противоречия и вытесняющих партийное руководство. В итоге – перспектива потери монополии на власть. Разрывы чувствовались в идеологическом поле, подогреваемая безработицей и жилищными проблемами: НЭП не укладывался в четкую картину мира, пропагандируемую большевиками [4, с. 127]. Тем самым, происходил эффект «размывания» идеологических посылов, не подкрепленных практической жизнью (появление капиталистов в виде нэпманов, кулаков, безработицы, имущественного расслоения, возврат, в целом, к симптоматике имперской России) [14, с. 83].

Выходом из этого, стал Сталинский курс на индустриализацию, принятый в 1925 г. Для создания единой системы, необходимо приводить к однородности или общему знаменателю все ее элементы, опираясь на фундамент экономики. Фундамент в виде НЭПа нес противоречия, входящие в диссонанс с другими элементами общественно-политической жизни. Об этом писал и Сергей Георгиевич Кара-Мурза, говоря о том, что НЭП породил «острые и болезненные дискуссии», а современники называли его «отступлением» и «крестьянским Брестом» [11, с. 321].

Итак, на протяжении первого десятилетия Советской власти государство планомерно осуществляло монополизацию инструментов и механизмов ретрансляции идеологических установок, не смотря на временные тактические отступления, связанные с утверждением советской власти и стабилизации общенациональной ситуации после Первой мировой и Гражданской войн. Любопытным является тот факт, что последующие действия правительства в этой сфере являются выполнением единой стратегии Ленинского правительства, опубликованная в так называемых «Апрельских тезисах».

Погрузившись в общий фон нового советского государства, перейдем к рассмотрению непосредственных методов формирования идеологических установок, зародившиеся в этот период. Хотелось бы начать с основного – метод антогонизации общества. Данный метод предполагал создание четкой, идеологически-выстроенной картины мира, построенной на противопоставлении «советского» и «антисоветского». Этот метод лежал в основе сохранения самоидентификации партии большевиков, являвшаяся, даже к октябрю 1917 г., партией меньшинства. Опасность потери своего «голоса» среди схожих революционных групп и течений у РКП(б) существовала вполне реально. Чтобы избежать такого исхода, вся партийная машина была сосредоточена на создание уникальных и ясных ориентиров, морально-этического «паспорта» советского человека. Они были внедрены в систему образования, культуру, производственную и даже бытовую сферу. В зависимости от исторических поворотов, наблюдалось смещение фокуса с внешнего врага на

внутреннего. На мой взгляд, ярчайший пример смещения данного фокуса – 1928 г., «Шахтинское дело», хотя, как было описано выше, Ленинское правительство также эпизодически прибегало к нему. С него, вплоть до 1953 г., был взят курс на выявление внутренних чужеродных элементов. В период Сталина в СССР делается акцент на выявление внешних и внутренних врагов. Сама классовая борьба предполагала наличие двух воюющих сил «про» и «контра», поэтому государство, ставящее в свою идеологическую основу борьбу, не могла обойтись без метода антогонизации в деле создания «нового» человека, так как именно он позволял создавать и концентрировать массу людских ресурсов, мобилизовать общество, предавая ему необходимое направленное движение.

Следом за методом антогонизации, следует выделить метод массовизации культуры [5, с. 84, 6, с. 41, 7, с. 27, 8, с. 28, 9, с. 211, 16, с. 97, 17, с. 6, 20, с.1254].

Создание единого культурного пространства позволяло вовлекать разнообразие слоев населения в процесс оформления облика советского человека, контролировать этот процесс, а также выделять и разрабатывать единую повестку дня. Важно – культура превратилась в первый экспериментальный «плавильный котел» для народов России. В ней вырабатывался идеальный «советский человек»: в литературе создавали его идеальные личностные качества, в живописи – внешний облик, в театре и кино – манеру поведения. Павлик Морозов становился непреклонным борцом против эксплуататоров, Стаханов – пример для всего рабочего народа, мальчик Тимур (из повести Гайдара «Тимур и его команда») – пример для всех октябрят. Богатейшая на образы, советская культура создавала своих героев и врагов, транслируя через них идеологические установки в общество [3, с. 180]. Именно поэтому, вопрос власти над культурой стоял в передовице острых общегосударственных вопросов советского периода. Одним из наиболее сильных инструментов данного метода выступало мифотворчество, подробно рассмотренное доктором филологических наук А. И. Куляпиным и кандидатом фи-

пологических наук О. А. Скубач в своей книге на примере сталинского периода [12, с. 110, 15].

Список литературы

1. Богусловская Н., Курская А. Долой неграмотность: букварь для взрослых. – М.: Государственное издательство, 1920. – 32 с.
2. Быкова Е.Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917-1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 1 (13). – С. 179–189.
3. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994. – 387 с.
4. Голотик С.И., Данилин А.Б Советская Россия в 20-е гг.: НЭП, власть большевиков и общество // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2. – С. 122–181.
5. Еловская С.В., Черняева Т.Н. Интерактивное обучение в высшем образовании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 1 (29). С. 83-87.
6. Еловская С.В. Использование интерактивных образовательных технологий при обучении иностранному языку в вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 176. С. 39-45.
7. Еловская С.В., Кулик Л.В. Развитие творческой личности на уроках английского языка в условиях ограниченности ресурсов // В сборнике: Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 26-31.
8. Еловская С.В. Развитие критического мышления на уроках иностранного языка // В сборнике: Лингводидактика и межкультурная коммуникация: актуальные вопросы и перспективы исследования. Сборник научных

статей. Ответственные редакторы Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары, 2018. С. 27-30.

9. Еловская С.В., Борзых И.И.. Обучение милосердию на уроках иностранного языка // В сборнике: Вопросы лингводидактики и переводоведения. Сборник научных статей . Чебоксары, 2017. С. 211-214.

10. Кара-Мурза С.Г. Советский проект. Жизнь в СССР. – М.: ЭКСМО, 2009. – 375 с.

11. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М.: Алгоритм, 2016. – 487 с.

12. Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 322 с.

13. Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. – СПб.: Академический проект, 2016. –244 с.

14. Ольштынский Л.И. Советское общество. История строительства социализма в России. – М.: ИТРК, 2015. – С. 77–83.

15. Родионова И. В. Советская идеология в 30-е годы XX века: метод. рекомендации по курсу «Отечественная история» – М.: Моск. гос. инс-т электроники и математики, 2003. – 30 с.

16. Сидорова И.В., Новикова И.В., Виданова Н.В. Формирование интеллектуально-речевого развития обучающихся // Наука и образование: Мичуринский ГАУ. –№ 2, 2019. – С. 96

17. Сидорова И.В., Милованова А.В. Использование информационно-коммуникационных технологий на уроках в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) // Наука и образование: Мичуринский ГАУ. –№ 1, 2019. – С. 6

18. Титарева Л.Д. Литература как средство идеологического контроля в советской культуре довоенного периода // Гуманитарный вектор. – 2010. – №4 (24). – С. 166–170.

19. Фишева А.А. «Образовательный конвейер» для рабочих (К вопросу о политике ликвидации безграмотности в годы первых пятилеток) // Рабочие и общественно-политический процесс в России в конце XIX-XX вв., материалы VI Всероссийск. науч. конф. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 125–128.

20. Balint technology in pedagogy: innovations or transfer of psychological experience / N.I. Rudneva, G.V. Korotkova, O.S. Sinerupova, S.V. Belyakova // International Journal of Engineering and Advanced Technology. - 2019. - Т. 9. - № 1. - С. 4506-4510.

IDEOLOGY OF THE USSR IN 30-40 YEARS OF XX CENTURY

Sidorova Inna Vladimirovna,

PhD, associate Professor

Socio-pedagogical Institute

Michurinsk State Agrarian University,

Michurinsk, Russia

Abstract: the article deals with the formation of the ideology of the USSR in the 30-40 years of the XX century, the mechanisms of party-state influence on society.

Key words: ideology, social consciousness.